DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.093-102

В. В. Хилjuta*

Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования?

Аннотация. В статье раскрывается вопрос о современном понимании корыстной цели в составе хищения и его формах — мошенничестве, присвоении и растрате. Подробно проанализировано постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в ракурсе дискуссионного понимания корыстной цели в судебной практике. Автором в полемическом плане излагается точка зрения о невозможности толкования корыстной цели в широком аспекте — как возможности распоряжаться похищенным имуществом по своему усмотрению, в том числе и в пользу иных лиц, круг которых неограничен. Доказывается, что термин «корысть» не может раскрыть содержание цели хищения, поскольку корысть присуща не только хищениям, но и иным преступлениям. «Корысть» может лишь указывать на отношение лица к акту его поведения, способу совершения преступления, но не характеризует цель его действий, в результате чего понятие корыстной цели может наполняться различным содержанием. Корыстные мотивы должны предопределять наличие корыстной цели, а некорыстные мотивы должны исключать квалификацию совершаемых деяний как хищение чужого имущества. Предложенное Верховным Судом РФ разъяснение корыстной цели существенным образом сдвигает рамки наличия признаков хищения и переносит их на более раннюю стадию. Приравнение корыстной цели к цели извлечения (получения) имущественной выгоды не отличается определенностью, т.к. имущественную выгоду можно извлечь и из противоправного пользования чужим имуществом. Для объективной квалификации хищений существенное значение должен иметь мотив поведения виновного и характер его действий. Поэтому с точки зрения субъективных признаков хищения его цель должна указывать на то, что подобное деяние направлено на обогащение виновного или иных лиц, круг которых должен быть ограничен.

Ключевые слова: мошенничество; хищение; корыстная цель; мотив; присвоение; имущественные преступления; собственность; корысть; изъятие; обращение; преступления против собственности.

Для цитирования: Хилjuta В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 4. — С. 93—102. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.093-102.

Mercenary Purpose in Theft: Are There Limits To Broad Interpretation?

Vadim V. Khilyuta, Cand. Sci (Law), Docent, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Process and Criminalistics, Yanka Kupala State University of Grodno
ul. Ozheshko, d. 22, Grodno, Republic of Belarus, 230027
tajna@tut.by

Abstract. The paper deals with the issue of the modern understanding of the mercenary purpose as an element of theft and its forms — fraud, misappropriation and embezzlement. The author closely analyzes the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution No. 48 dated 30 November 2017 "On court practice on cases involving fraud, misappropriation and embezzlement" in view of the discussion of understanding mercenary purpose in litigation. The author polemically sets out the point of view that it is impossible to interpret a mercenary purpose in a broad sense — as the ability to dispose of stolen property at their own discretion, including in favor of other persons, whose circle is unlimited. It is proved that the term "lucre" cannot reveal

© Хилjuta В. В., 2020

* Хилjuta Вадим Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Я. Купалы
Ул. Ожешко, д. 22, г. Гродно, Республика Беларусь, 230027
tajna@tut.by

the content of the purpose of theft, since lucre is inherent not only in theft, but also in other crimes. "Lucre" can only indicate the attitude of a person to the act of his behavior, the method of committing a crime, but does not characterize the purpose of his actions, as a result of which the concept of mercenary purpose can be filled with different content. Mercenary motives should determine the existence of a mercenary purpose, and non-mercenary motives should exclude the qualification of committed acts as theft of someone else's property. The explanation of a mercenary purpose proposed by the Supreme Court of the Russian Federation significantly shifts the scope of the presence of elements of theft and transfers them to an earlier stage. Evening a mercenary purpose with the purpose of gaining (receiving) property benefits is not certain, since property benefits can also be extracted from the illegal use of other people's property. For the objective classification of theft, the motive of the perpetrator's behavior and the nature of his actions must be essential. Therefore, from the point of view of subjective elements of theft, its purpose should indicate that such an act is aimed at enriching the perpetrator or other persons, the circle of whom should be limited.

Keywords: fraud; theft; mercenary purpose; motive; appropriation; property crimes; property; lucre; seizure; treatment; crimes against property.

Cite as: Khilyuta VV. Korystnaya tsel v khishchenii: sushchestvuyut li predely rasshiritelnogo tolkovaniya? [Mercenary purpose in theft: Are there limits to broad interpretation?]. *Lex russica*. 2020;73(4)093-102. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.161.4.093-102. (In Russ., abstract in Eng.).

В доктрине уголовного права вопрос о корыстной цели в составе хищения и конкретных его формах имеет давнюю историю и по настоящее время так и остался нерешенным. Несмотря на то что доктрина уголовного права предлагает свои ответы на поставленные вопросы, а в правоприменительной практике имеются многочисленные решения по этому поводу, причем на уровне высшей судебной инстанции, понимание сути корыстной цели и ее содержательных границ продолжает оставаться дискуссионным и весьма актуальным как для науки уголовного права, так и для правоприменительной практики.

В самом обобщенном представлении можно сказать о том, что в настоящее время существует узкий и широкий подходы относительно содержания корыстной цели. Некоторые выделяют еще и промежуточный подход в данном вопросе, однако он больше примыкает к узкому аспекту толкования корыстной цели. Так, согласно узкому подходу, корыстная цель рассматривается как стремление виновного к личному обогащению, обращение похищенного имущества в свою пользу (собственность) либо извлечение имущественной выгоды для близких ему лиц или соучастников преступления. Согласно же положениям широкого подхода понимания корыстной цели, таковая будет иметь место, если виновный стремится распорядиться имуществом как своим собственным, а равно извлечь имущественную выгоду как для себя, так и для любых иных лиц (физических или юридических), круг которых не ограничен.

Следует сказать, что правоприменительная практика в одно время брала за основу узкий подход в толковании корыстной цели, позже стала применять положения промежуточного подхода в определении объема и наполнении понятия «корыстная цель»¹. Однако в последнее время полностью изменила его содержательный аспект, и теперь корыстная цель в хищении стала пониматься крайне широко. Такое положение дел можно объяснить различным образом и привести веские аргументы в поддержку подобного взгляда.

Итак согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» при решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты «суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен».

Таким образом, корыстная цель будет иметь место не только тогда, когда лицо заведает чужим имуществом с целью его обращения в свою собственность или в пользу иных лиц, в судьбе которых оно заинтересовано, но и в том случае, когда имущество передается любым иным лицам, «круг которых не ограничен». Например, если директор организации

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 10 ; 2001. № 1 ; 2002. № 3 ; 2002. № 7 ; 2003. № 1.

незаконно перечислит деньги со счета этой организации в детский дом, то подобное деяние мы должны будем квалифицировать как хищение. Точно так же мы будем расценивать (именно как хищение) действия этого директора, который незаконно перечислит деньги организации на счет своего сына. Есть ли здесь какая-либо разница? В плане поведенческих действий, а точнее выполнения объективной стороны состава преступления, — нет. А в плане субъективной стороны? Наверное, есть, но теперь это уже значения не имеет, и подобные случаи будут расценены одинаково и будут признаваться хищением.

Сторонники такого понимания корыстной цели исходят из того, что хищение влечет ответственность независимо от того, кто незаконно обогатился неправомерным образом, кто получил имущественную выгоду в результате совершения хищения — сам виновный или другое лицо. Хищение непосредственно не связано с обогащением исключительно самого виновного и близких ему лиц. Как отмечает по этому поводу А. Г. Безверхов, «с юридической точки зрения корыстная цель должна указывать на то обстоятельство, что в результате совершенного хищения кто-либо незаконно обогатился и это осознается виновным»².

Вместе с тем, если мы говорим о том, что при мошенничестве, присвоении и растрате корыстная цель может состоять и в передаче имущества в обладание других лиц, круг которых не ограничен, то в такой ситуации лицо, осуществляющее преступное действие, не извлекает никакой имущественной выгоды (иногда можно вести речь о том, что оно получает косвенную выгоду), а руководствуется некими иными (некорыстными) мотивами. Какую выгоду, например, извлекает директор организации, когда перечисляет деньги в детский дом? Очевидно, что он действует исходя из неких альтруистических мотивов и конечную цель вряд ли уместно здесь называть корыстной.

Однако в теории уголовного права оценка действий руководителя данной организации как хищения исходя из констатации у него признаков корысти (корыстной цели) обосно-

вывается тем, что обогащение других лиц свидетельствует о выражении корыстной цели и у лица, совершившего изъятие имущества. В этом и состоит корыстная цель, ибо, как следует из законодательного определения понятия хищения (примечание 1 к ст. 158 УК РФ), сегодня предусматривается возможность получения похищенного имущества другими лицами и во все не требуется, чтобы обогащение произошло за счет передаваемого имущества со стороны лица, которое его незаконно изъяло, передало или произвело отчуждение иным образом³. Ввиду того что круг третьих лиц прямо в законе не ограничен, при хищении виновный может обогатить не только себя, но и любого иного лица (соучастника, иного близкого лица и т.д.). И таким иным лицом может быть кто угодно (любое как физическое, так и юридическое лицо).

Например, П. С. Яни указывает, что широкое понимание корыстной цели создает благоприятную почву для того, чтобы признавать наличие такой цели и в случае, когда похищенные средства поступают на счет юридического лица, которое и юридически, и фактически подконтрольно виновному. А раньше такое деяние признать хищением было нельзя⁴. Тем не менее анализ данного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ убеждает нас в том, что предложенное широкое понимание корыстной цели входит в противоречие с иными трактовками субъективных признаков экономических и служебных преступлений и порождает немало вопросов.

Первый аспект проблемы касается такой трактовки, как «распоряжение имуществом как своим собственным». Это означает, что, завладевая чужим имуществом, лицо может распорядиться им как угодно и такое распоряжение всегда должно признаваться хищением, т.к. оно совершается корыстно. Однако стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным может толковаться по-разному. От чего или от кого зависит такое толкование? Буквально следуя разъяснению Пленума Верховного Суда РФ, можно

² См.: Безверхов А. Г. Корыстная цель как субъективный признак хищения чужого имущества // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика : сборник науч. статей. СПб., 2017. С. 30.

³ См.: Ковалев М. В. Проблемы «корыстной цели» при квалификации преступлений против собственности // Известия тульского государственного университета. Серия : Экономические и юридические науки. 2018. № 2—3. С. 88.

⁴ См.: Яни П. С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 3. С. 24.

прийти к выводу, что даже если лицо изымает имущество и уничтожает его, то подобные действия представляют собой все равно хищение, ведь ни о каком мотиве в данном случае речи не идет. Лицо распоряжается похищенным, как считает нужным: хочет — передает его другому, хочет — оставляет себе или вовсе от него избавляется, а равно уничтожает.

Адепты понимания корыстной цели в широком смысле пытаются развести указанные ситуации: когда заходит речь об уничтожении ранее похищенного имущества, предпочитают говорить о том, что корыстной цели здесь нет. Однако почему же происходит исключение из общего правила? Ведь то же уничтожение имущества есть разновидность его распоряжения. Лицо, уничтожив предварительное изъятое имущество, также распорядилось им. Почему здесь нас должен интересовать факт того, каким образом преступник распоряжается похищенным? То есть мы, невзирая на юридический момент окончания преступления, пытаемся для верной квалификации нащупать его фактические тонкости — элемент последующего распоряжения похищенным имуществом. Причем, как оказывается, это обстоятельство имеет существенное значение в вопросе квалификации. Ведь представим себе, что директор организации: 1) незаконно отчуждает автомобиль в пользу детского дома, 2) отчуждает такой же автомобиль в свою пользу и уничтожает его. И в первом, и во втором случае директор организации не руководствуется корыстными мотивами, он не преследует цель присвоить себе или в свою пользу чужое имущество. Очевидно, что мотивы здесь некорыстные и не связаны с обогащением. Тем не менее в первом случае мы признаем лицо виновным в хищении, а во втором — в умышленном уничтожении чужого имущества. Хотя еще раз следует обратить внимание: директор распорядился имуществом по своему усмотрению, как посчитал нужным. Однако какие действия этого руководителя по своей сути общественно опаснее? В то же время, если мы констатируем, что хищение признается оконченным с момента, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению, то почему тогда определенному факту (уничтожение или повреждение имущества) должно придаваться иное значение?

Ведь сам П. С. Яни в данном вопросе обращает внимание, что предпринимаемые в науке уголовного права попытки развести корыстный мотив и корыстную цель небезупречны, носят довольно отвлеченный и искусственный характер и не могут быть восприняты практикой, поскольку правоприменительные органы данные понятия отождествляют⁵. Но все же следует подчеркнуть, что корысть характеризует материальные потребности человека, удовлетворяя которые лицо и совершает преступление. Вместе с тем в случаях, когда лицо отчуждает имущество в пользу иных лиц, оно вряд ли удовлетворяет свои имущественные потребности. Значит, ставить вопрос необходимо следующим образом: корыстная цель никак не может быть связана с обращением имущества в пользу иных лиц.

П. С. Яни также в данном вопросе указывает на то, что, например, в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указано, что «кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (например, обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом)». Именно указание на то, что лицо может «*распорядиться им с корыстной целью иным образом*» доказывает, что не во всех случаях стремление получить возможность распоряжаться чужим имуществом как собственным рассматривается в качестве корыстной цели даже в широком ее понимании⁶. Однако выделенная фраза П. С. Яни («распорядиться им с корыстной целью иным образом») вовсе не доказывает правильность его утверждения. Потому как если лицо распоряжается имуществом иным образом при отсутствии корыстной цели, то это вовсе тогда и не корыстное хищение. Если тот же директор организации перечисляет деньги в детский дом, он распоряжается имуществом при отсутствии корыстной цели, но мы же признаем его действия теперь хищением, потому что корыстную цель понимаем широко.

В данном случае неубедительными выглядят доводы, когда мы применительно к пониманию корыстной цели в составе мошенничества, при-

⁵ Яни П. С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 2. С. 23—27.

⁶ См.: Яни П. С. Корысть как признак хищения // Законность. 2019. № 3. С. 21—25.

своения или растраты ссылаемся на момент окончания таких преступлений, как кража или грабеж. Ведь если привести п. 5, 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (что более приемлемо в контексте обсуждаемой проблемы), где речь идет о моменте окончания мошенничества в форме хищения чужого имущества или приобретения права на имущество, то там мы не увидим подобных отсылок, на которые обращает внимание П. С. Яни. Например, в абз. 1 п. 5 данного постановления четко сказано, что мошенничество «признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что коль скоро мошенничество, присвоение или растрата, кража, грабеж, разбой являются однотипными формами хищения, на которые, по идее, должны распространяться идентичные признаки⁷, почему-то в понимании корыстной цели мы наблюдаем отступления. Ведь в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 ничего не говорится о том, что следует понимать под корыстной целью в составе кражи, грабежа или разбоя. Наоборот, в данном пункте обращено внимание на возможность появления у виновного не корыстной, а иной цели (временного использования имущества, предполагаемого права), которая не должна соотноситься с хищением.

Таким образом, из широкого понимания корыстной цели как бы выводятся за скобки случаи причинения материального ущерба собственнику как некоего иного корыстного имущественного посягательства. Например, А. Г. Безверхов справедливо отмечает, что нет оснований квалифицировать как хищение случаи «завладения чужим имуществом с целью

его повреждения или уничтожения, в целях самовольного использования его в интересах собственника или владельца, из хулиганских побуждений, в шутку, из озорства, из чувства мести, в счет погашения долга, лежащего на собственнике этого имущества, или с целью возмещения причиненного собственником имущества ущерба, с целью склонить потерпевшего к возврату долга (в целях обеспечения уплаты долга) или принудить к выполнению взятого на себя обязательства. Во всех указанных случаях корыстная цель отсутствует»⁸. Однако, в предложенном наборе действий лицо как раз может извлекать для себя имущественную выгоду, хотя цель его действий и мотив могут и не совпадать. То есть речь все-таки идет о том, что мы разводим корыстную цель и мотив совершения преступления, однако делаем это избирательно. Вместе с тем забываем одно немаловажное обстоятельство: корыстная цель может быть сформирована только корыстным мотивом и наряду с последним могут быть иные мотивы (зависть, ревность, алчность, месть и т.д.). Поэтому вовсе непонятно, каким образом сегодня одни мотивы отождествляются с корыстной целью, а другие — нет и на основании этого мы констатируем, что хищение отсутствует⁹.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы прямо затрагивает вопрос о соотношении хищений, совершаемых с использованием служебного положения, и должностных преступлений (ст. 285 УК РФ). Данный вопрос приобретает особое значение именно потому, что изменился правоприменительный подход к пониманию корыстной цели. Дело в том, что неограниченность круга лиц, в чью пользу может изымать имущество виновный, нивелирует всякие разграничительные признаки, которые доселе существовали при разрешении ситуаций, связанных с хищениями и должностными злоупотреблениями.

Речь, в частности, идет о том, что нередко, совершая должностные злоупотребления, ру-

⁷ С. А. Петров считает иначе и говорит о том, что «понимание корыстной цели при уголовно-правовой оценке мошенничеств, присвоений и растрат совершенно иное, нежели при квалификации краж, грабежей и разбоев» (Петров С. А. Корыстная цель в хищениях // Законность. 2017. № 9. С. 39—42).

⁸ Безверхов А. Г. Указ. соч. С. 30.

⁹ Здесь можно сослаться на п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29: «Не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квали-

ководители организаций руководствуются мотивом ложно понятого служебного долга и преследуют цель увеличить благосостояние других лиц (физических или юридических)¹⁰. Широкая трактовка понимания корыстной цели теперь ставит вопрос о признании данных действий хищением, а не должностным злоупотреблением, поскольку такой руководитель распоряжается имуществом как своим собственным, и передает его в обладание юридического лица (или физического, но это уже не имеет принципиального значения).

Действующие в судебной практике критерии по поводу разграничения данных корыстных должностных злоупотреблений теперь, оказывается, не совсем применимы. Так, в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» сказано, что «в отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества. Если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается частью 3 статьи 159 УК РФ или частью 3 статьи 160 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 285 УК РФ не требует».

Таким образом, из данного разъяснения следует, что если происходит изъятие чужого имущества, то это должно образовывать одну из форм хищения — мошенничество, присвоение или растрату. Если же имеет место временное заимствование чужого имущества или возмездное изъятие имущества, то это образует должностное злоупотребление (ст. 285 УК РФ). Возникает вопрос: а если присутствует противо-

правное отчуждение чужого имущества в пользу иного лица (юридического или физического)? Ведь на сегодняшний день мы практически не встретим ситуаций, когда должностные лица изымали бы имущество из организации, т.е. обособляли его, а затем передавали кому-либо. Напротив, все происходит иным образом: имеет место отчуждение имущества в пользу иных лиц и чаще всего путем незаконного перечисления денег на счет иного лица. Как такового изъятия здесь нет, и мы вынуждены в трактовке хищений говорить об обращении чужого имущества в пользу иного лица.

Надо сказать, что ранее правоприменительная практика однозначно идентифицировала такие ситуации как должностное злоупотребление и доктрина уголовного права предлагала свои критерии разграничения хищений и должностных злоупотреблений.

Теперь же оказывается, что буквально любое обращение имущества в пользу иного лица должно расцениваться как хищение. Точно так же, как и случаи отчуждения (продажи) имущества по заниженной цене, ведь должностное лицо — руководитель организации распоряжается им по своему усмотрению. Однако почему-то, если лицо получает имущественную выгоду от использования имущества не по назначению, такие действия составляют суть должностного злоупотребления (ст. 285 УК РФ). Но в то же время должностное лицо, отчуждая имущество в пользу иного лица, может и не извлекать никакой имущественной выгоды, о чем мы уже говорили, однако его действия все равно будут признаваться хищением. Получается, что в некоторых случаях Пленум Верховного Суда РФ, пытаясь разграничить хищение и должностное злоупотребление, опять же, делает упор на мотиве совершения преступления, а в других ситуациях такой мотив оставляет за скобками. Поэтому вполне прав Г. А. Есаков, когда говорит о том, что сегодня остается открытым вопрос: «Может ли изъятие и обращение имущества в пользу других лиц вообще когда-либо признаваться совершенным без корыстной цели?»¹¹.

фикации по статье 330 УК РФ или другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. В тех случаях, когда незаконное изъятие имущества совершено при хулиганстве, изнасиловании или других преступных действиях, необходимо устанавливать, с какой целью лицо изъяло это имущество».

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 5 ; апелляционное определение Приморского краевого суда от 2 июля 2013 г. № 22-7169.

¹¹ См.: Есаков Г. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. 2018. № 1. С. 51.

Если исходить именно из того, что извлечение имущественной выгоды должно образовывать состав должностного злоупотребления, то данный признак теряет свою основу, поскольку теперь можно привести массу примеров, когда хищение рассматривается как таковое именно тогда, когда лицо фактически получает имущественную выгоду от своих действий. Однако имущественная выгода — это конечный результат, к которому стремится лицо, а не способ совершения имущественного преступления. Изъятие и обращение — это специфические способы совершения хищения, а извлечение, стало быть, не свойственно хищениям и может указывать на иные неправомерные формы преступного обогащения.

Представим себе, что директор торгового предприятия с целью восполнения образовавшихся недостатков дает указание своим продавцам обсчитывать покупателей. Если мы скажем, что здесь присутствует корыстная цель, то и состав хищения (например, в форме продолжаемого мошенничества) имеет место, т.к. неважно, в чью именно пользу было совершено хищение, кто именно обогатился. Однако при такой постановке вопроса корыстная цель смешивается с иной личной заинтересованностью. Ведь тот же продавец, обманывая покупателей, осуществлял это с корыстной целью, желал обогатить предприятие или же у него имелась иная личная заинтересованность?

Подобное смешение целей можно обнаружить и в следующем примере. Так, директор столовой систематически угощает проверяющих из контролирующих и налоговых органов за счет заведения. Все расходы по оказанию услуг несет заведение. В действиях такого руководителя усматриваются признаки присвоения или растраты, т.к. он распорядился вверенным ему имуществом по своему усмотрению, а значит, присутствует корыстная цель. Но нельзя сказать, что данный директор изымает или обращает имущество столовой в пользу иных лиц. Он для себя извлекает имущественную выгоду, поскольку экономит свой имущественный фонд. Тем не менее и в ст. 285 УК РФ, и в ст. 159, 160 УК РФ идет речь о корыстной цели, причем, как представляется, в составе должностного злоупотребления корыстная цель должна пониматься идентично корыстной цели в хищении. Однако, если мы ведем речь о хищении, то, безусловно, одной стороне должен быть

причинен ущерб (потерпевшему), а другая сторона должна получить похищенное имущество. В случае же с невещественными благами (объектами гражданских прав) о таком завладении речи идти не может.

Такой поворот в вопросе толкования корыстной цели применительно к должностным преступлениям не является новым. Правоприменительная практика послевоенного периода именно таким (расширительным) образом оценивала действия руководителей. Так, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» должностные лица привлекались к уголовной ответственности за незаконную безвозмездную передачу имущества третьим лицам, т.е. за хищение, когда они хотя и не имели корыстных целей, но исходили из ложно понятых интересов службы, карьеристских или иных побуждений¹². Понадобилось много времени для того, чтобы изменить в правоприменительной практике подобное крайне широкое толкование корыстной цели и ограничить ее определенными рамками, которые были бы непременно связаны с обогащением виновного или близких ему лиц. Теперь же имеет место обратная ситуация. Круг замкнулся.

Очевидно, что в настоящее время корыстная цель стала больше соотноситься с преступным действием (бездействием) виновного. Иначе говоря, цель завязана на объективной стороне хищения и никоим образом не корреспондирует с субъективной стороной состава преступления, т.к. корыстная цель представляет собой намерение лица совершить хищение.

Таким образом, широкое понимание корыстной цели уводит нас в сторону того, что корыстная цель отождествляется не столько с мотивом совершения преступления, сколько с преступным действием виновного. И фактически мы можем говорить о существовании бескорыстных хищений, однако облакаемых сегодня правоприменительной практикой в понятие «корысть». Это и неудивительно, потому как широкое понимание корысти предопределяет не конечную цель виновного и направленность его действий, а цель действий преступника — изъятия или обращения, а проще говоря, завладения чужим имуществом. Следовательно, можно прийти к выводу, что всякое завладение чужим имуществом и есть хищение. Однако из

¹² См.: Хилjuta В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. М., 2016. С. 503.

этого правила делаются исключения, и они как раз основаны не столько на различном понимании цели совершения преступления (завладения чужим имуществом), сколько на учете мотивов совершения преступного деяния.

Более того, понимание корыстной цели в широком смысле ставит вопрос о возможности совершения хищения с косвенным умыслом. На примере представления работником фиктивных больничных с целью оправдания возможного прогула некоторые юристы считают возможным квалифицировать содеянное им как хищение, потому что завладение чужим имуществом в данном случае является неизбежным результатом действий виновного, который в качестве основной преследует и иную цель. А раз такая неизбежность имеет место, то отсюда и выводится положение, что цель оправдать свой прогул есть уже хищение, пусть это и не главная, а второстепенная цель¹³.

Однако, на наш взгляд, никак нельзя в данном случае приравнивать косвенный умысел к неопределенному и на этом основании пытаться выводить положение о возможности совершения хищения с неопределенным умыслом. При неопределенном умысле субъект должен предвидеть возможность наступления различных вредных последствий, но последствий однородных, в равной мере желая или сознательно допуская их наступление. По этой причине любой косвенный умысел может рассматриваться как неопределенный (реальная возможность наступления нескольких последствий), однако подобный умысел так и останется косвенным, а не прямым. При прямом неопределенном умысле виновным лицом предпринимаются дополнительные действия, увеличивающие вероятность наступления общественно опасных последствий, даже если преступные намерения виновного и не конкретизированы. При косвенном же умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо иной цели. Поэтому хищение всегда совершается с прямым специальным умыслом и никогда не может быть совершено с косвенным неопределенным умыслом¹⁴.

Итак, настоящая проблема нам видится в том, что в отличие от многих других уголовных законодательств зарубежных стран в уголовном законе Российской Федерации не содержится специальной нормы, которая бы устанавливала ответственность за противоправное завладение имуществом или его отчуждение при отсутствии корыстной цели. Это положение прямо влияет на то, что в такой ситуации правоприменитель вынужден широко толковать цель хищения и вводить в его объем действия, никоим образом не связанные с классическим пониманием хищения как деликта абсолютного характера.

Приведем типичный пример, который будет иметь различное разрешение в зависимости от тех подходов, которые будут применяться в правоприменительной деятельности. Так, в Республике Беларусь был известен случай, когда кассир одного из банков А., не имея никакой заинтересованности, незаконно передала денежную сумму в размере 50 тыс. долл. США постоянному клиенту этого банка Б. на один день, под обещание вернуть деньги вечером. Такие случаи уже неоднократно имели место, и Б. деньги возвращал. Однако в этот раз он деньги не вернул. Спустя день Б. был задержан в такси с данной суммой, он пояснил, что вез деньги обратно в банк. Б. не удалось привлечь к ответственности за хищение, однако кассир банка А. первоначально судом была осуждена за растрату денежных средств, но приговор был отменен, поскольку не было установлено корыстной цели в действиях А. В последующем А. была осуждена по ст. 217 УК Республики Беларусь (незаконное отчуждение вверенного имущества)¹⁵.

Широкое понимание корыстной цели в данном случае позволило бы привлечь А. к ответственности за хищение, т.к. она распорядилась вверенным ей имуществом по своему усмотрению и мотивы совершения подобных действий значения не имеют. Однако законодательное разграничение корыстных и некорыстных действий, связанных с завладением (или отчуждением) чужого имущества, позволяет решить обсуждаемую проблему иначе.

¹³ См.: *Архипов А.* Корыстная цель как признак хищения // *Уголовное право.* 2016. № 1. С. 8.

¹⁴ См. подробное обоснование данного положения: *Хилютя В. В.* Можно ли хищение совершить с косвенным умыслом? // *Библиотека уголовного права и криминологии.* 2017. № 6. С. 120—129.

¹⁵ Диспозиция ст. 217 УК Республики Беларусь сформулирована следующим образом: «Незаконное безвозмездное отчуждение в значительном размере чужого имущества, вверенного виновному, при отсутствии корыстной цели».

Таким образом, в сущностном понимании расширение границ корысти ведет к автоматическому изменению понятия хищения за счет другого понимания способа действия при хищении чужого имущества. Все это приводит к смешению понятия хищения с иными имущественными и экономическими преступлениями, корыстными и некорыстными посягательствами на собственность. Игнорирование специфической цели при хищении нивелирует данное понятие, поскольку предполагает не завладение (изъятие, обращение) имуществом, а извлечение имущественной выгоды, что существенно меняет суть понятия хищения и в перспективе указывает на его ненужность.

Тем не менее у хищения всегда была своя цель. Однако термин «корысть» не может раскрыть содержание цели хищения, поскольку корысть свойственна не только хищениям, но и иным преступлениям. «Корысть» может лишь указывать на отношение лица к акту его поведения, способу совершения преступления, но не характеризует цель его действий, в результате чего понятие «корыстная цель» может наполняться различным по объему содержанием. Соответственно, корыстные мотивы должны предопределять наличие корыстной цели, а некорыстные мотивы должны исключать квалификацию совершаемых деяний как хищения чужого имущества. Поэтому при такой постановке вопроса цель хищения должна указывать на обогащение виновного лица или иных лиц, в судьбе которых он заинтересован.

Если корыстную цель рассматривать через призму распоряжения имуществом по усмотрению виновного, то это существенным образом сдвигает рамки наличия признаков хищения и переносит их на более раннюю стадию. Вследствие чего оказываются ненужны-

ми многие иные составы преступлений против собственности или против интересов службы, т.к. любое распоряжение имуществом уже будет означать совершение хищения. Конечно, в этой связи можно делать некие исключения из общего правила, но что будет лежать в основе подобных исключений? Приравнивание корыстной цели к цели извлечения (получения) имущественной выгоды также не отличается определенностью, т.к. имущественную выгоду можно извлечь и из противоправного пользования чужим имуществом.

Для объективной квалификации хищений существенное значение должен иметь мотив поведения виновного и характер его действий. Поэтому с точки зрения субъективных признаков хищения его цель должна указывать на то, что подобное деяние направлено на обогащение виновного или иных лиц. Однако в отличие от широкого понимания корыстной цели указание на то, что хищение направлено на обогащение виновного или иных лиц за счет физического обладания имуществом, должно иметь оговорку. И эта оговорка непременно должна быть связана с тем, что если происходит отчуждение имущества в пользу иных лиц при отсутствии личных имущественных интересов на стороне виновного (отчуждение происходит на основании личных неимущественных интересов), то хищение будет отсутствовать¹⁶. Такое понимание цели хищения требует соответствующей корректировки уголовного законодательства, в том числе и за счет конструирования специальной уголовно-правовой нормы, которая бы предусматривала ответственность за противоправное безвозмездное отчуждение или завладение чужим имуществом при отсутствии корыстных побуждений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архипов А. Корыстная цель как признак хищения // Уголовное право. — 2016. — № 1. — С. 4—8.
2. Безверхов А. Г. Корыстная цель как субъективный признак хищения чужого имущества // Уголовное право, уголовный закон: теория и практика : сборник науч. статей. — СПб., 2017. — С. 26—32.
3. Есаков Г. Корыстная цель в хищении и новое постановление Пленума о судебной практике по делам о мошенничестве // Уголовное право. — 2018. — № 1. — С. 47—52.
4. Ковалев М. В. Проблемы «корыстной цели» при квалификации преступлений против собственности // Известия тульского государственного университета. Серия : Экономические и юридические науки. — 2018. — № 2—3. — С. 85—90.

¹⁶ См.: Хилjuta В. В. Концептуально-теоретические проблемы трансформации учения о хищении в доктрине уголовного права. Гродно, 2018. С. 230.

5. Петров С. А. Корыстная цель в хищениях // Законность. — 2017. — № 9. — С. 39—42.
6. Хилjuta В. В. Концептуально-теоретические проблемы трансформации учения о хищении в доктрине уголовного права. — Гродно, 2018. — 308 с.
7. Хилjuta В. В. Можно ли хищение совершить с косвенным умыслом? // Библиотека уголовного права и криминологии. — 2017. — № 6. — С. 120—129.
8. Хилjuta В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. — М., 2016. — 624 с.
9. Яни П. С. Корысть как признак хищения // Законность. — 2019. — № 2. — С. 23—27 ; № 3. — С. 21—25.

Материал поступил в редакцию 12 сентября 2019 г.

REFERENCES

1. Arkhipov A. Korystnaya tsel kak priznak khishcheniya [A mercenary purpose as an element of theft]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2016;1:4-8. (In Russ.)
2. Bezverkhov AG. Korystnaya tsel kak subektivnyy priznak khishcheniya chuzhogo imushchestva [A mercenary purpose as a subjective element of stealing someone else's property]. In: *Ugolovnoe pravo, ugolovnyy zakon: teoriya i praktika: sb. nauch. statey [Criminal law, criminal legislation: theory and practice: collection of scientific papers]*. Saint Petersburg; 2017. P. 26-32. (In Russ.)
3. Esakov G. Korystnaya tsel v khishchenii i novoe postanovlenie Plenuma o sudebnoy praktike po delam o moshennichestve [Mercenary purpose in theft and the new resolution of the Plenum on judicial practice in cases of fraud]. *Ugolovnoe pravo [Criminal law]*. 2018;1:47-52. (In Russ.)
4. Kovalev MV. Problemy «korystnoy tseli» pri kvalifikatsii prestupleniy protiv sobstvennosti [Problems of "mercenary purpose" in the classification of crimes against property]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2018;2-3:85-90. (In Russ.)
5. Petrov SA. Korystnaya tsel v khishcheniyakh [A mercenary purpose in theft]. *Zakonnost*. 2017;9:39-42. (In Russ.)
6. Khilyuta VV. Kontseptualno-teoreticheskie problemy transformatsii ucheniya o khishchenii v doktrine ugolovnogo prava [Conceptual and theoretical problems of transformation of the doctrine of theft in the doctrine of criminal law]. Grodno; 2018. (In Russ.)
7. Khilyuta VV. Mozhno li khishchenie sovershit s kosvennym umyslom? [Can a theft be committed with indirect intent?]. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*. 2017;6:120-129. (In Russ.)
8. Khilyuta VV. Ponyatie i priznaki khishcheniya v ugolovnom prave [The concept and elements of theft in criminal law]. Moscow; 2016. (In Russ.)
9. Yani PS. Koryst kak priznak khishcheniya [Lucre as an element of theft]. *Zakonnost*. 2019;2:23-27. 2019;3:21-25. (In Russ.)